

КОГДА МЫ ВЫШЛИ НА БОЛЬШИЕ ОРБИТЫ

ПОЛЗАЮЩИЕ НА ВЫСОТАХ

ЧЛОВЕКУ, которому вздумается найти краткое, но выразительное и точное определение особенностей развития науки и техники в наше время, придется встретиться с необычайными затруднениями. И самым главным затруднением будет то, что любое найденное определение устаревает раньше, чем оно будет признано нашими современниками.

К «каменному веку» историки относят эпоху, исчисляемую тысячелетиями. Много столетий длится за эпоху, именующимися «бронзовым» и «железным» веками. Но уже предшествующий нашему веку «век пара» еще до своего «совершенствования» вынужден был уступить дорогу юному «электрическому веку». А он явился в соприкосновении целой плеяды новых, наступающих друг друга на пятки и необычайно активных в своем росте энергетических ресурсов — жидкостных, газовых и реактивных двигателей, соревнующихся между собой, объединяющихся и перекликающихся с новыми, уже вырванными у природы.

В условиях поистине бурного развития науки и техники трудно, очень трудно быть объективным ценителем того, что только что создается и находится в стадии становления. И часто на больших дорогах технического прогресса встречаются не только окрыленные прогрессивными устремлениями и бесстрашием в своем полете искатели, но и люди, случайно выброшенные на орбиту технического прогресса си-

лой мощной волны все-народного творчества. Забравшись на орбитальные магистрали, они при виде открывшихся им необычайных перспектив, о которых никак не помыслили и которые им никогда не снились, в изумлении останавливаются. Бессильно топчутся на одном месте, в испуге пытаются назад и даже на больших высотах проявляют качества, свойственные «рожденным ползаты». На путях технического прогресса, больше чем на каком-либо другом участке развития культуры, можно наблюдать борьбу между старым и новым. В этой борьбе на вооружении новаторов — их научные открытия, технические изобретения и предложения, зарождающиеся и движимые неистребимым энтузиазмом творцов.

У противников новаторов свое оружие. Это — мнительность, неверие в творческие способности рядовых рабочих, инженеров и техников. Это — недооценка высоких и дерзновенных стремлений научной мысли.

Не так давно был свидетелем чрезвычайно поучительной беседы главного инженера крупнейшего научно-исследовательского института с инженером-изобретателем того же института. Речь шла об умном, смелом изобретении, очень важном для повышения прочности кораблей. Оно было достаточно обосновано теоретически, подтверждено данными лабораторными опытами. Работа получила высокую оценку ученого совета института. Изобретателя

ЗАМЕТКИ ИНЖЕНЕРА.

хвалили, поздравляли. Когда же, окрыленный всеобщим признанием, он потребовал создать необходимые для реализации изобретения условия, все неожиданно изменилось. Многие, ранее восторгавшиеся его работой, словно сговорившись, ополчились против него. Начальник отдела, в котором работал изобретатель, заявил, что работа по реализации изобретения вызовет большие осложнения в лаборатории и вообще... «овчинка выделки не стоит».

Непосредственный начальник изобретателя, работавший над диссертацией, в которой доказывались идеи, опровергаемые изобретением, стал смотреть на изобретателя «вожлом».

А главный инженер, обаятельный и добрый человек, которого называют «самой светлой головой в институте», пытался примирить изобретателя с его противниками.

«Зачем вы лезете на рожон? — доброжелательно утешал он изобретателя. — Ваша идея превосходна. Теоретические обоснования неопровержимы. Результаты лабораторных опытов бесспорны... Пишите диссертацию! Когда вы получите ученое звание, с вами будут по-другому разговаривать. А сейчас что? Вы воюете против всех, а сами вы еще нуль. Пишите. Кстати сказать, ваш отчет — почти готовая диссертация. А об остальном не тревожьтесь. Не в этой, так в следующей семилетке ваше изобретение будет реализовано...»

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Нам, конструкторам, исследователям, работающим в области новой техники, часто, к сожалению, еще очень часто приходится сталкиваться с тем, как новые и прогрессивные технические начинания либо «доброжелательно», якобы в интересах самого новатора, откладываются в долгий ящик, либо подвергаются перекрестному обстрелу со стороны людей, неспособных противопоставить этим творческим начинаниям ничего, кроме своей организаторской, подчас необъяснимой неприязни к новому. Понять, заметить повадки консерваторов — противников технического прогресса — не так просто.

Надо думать, что именно поэтому попытки писателя В. Киселева обнаружить консерваторов на предприятиях Киевского совнархоза не имели успеха, как это он рассказал в своей статье «В защиту консерватора», опубликованной в «Литературной газете». Нет ничего удивительного в том, что писатель не опознал консерватора даже в лице кандидата технических наук Петренко, который «откровенно» признался в том, что он — консерватор, правда, поневоле.

С точки зрения стороннего наблюдателя, Петренко действительно не повинен в консервации новаторского пред-

ложения, так как необходимых для строительства конвейера швеллеров не было на заводе. Но писатель не учел того, что в распоряжении наладчика технических наук Петренко имелись современные достижения новой техники, допускающие отличную замену дефицитных металлоконструкций железобетонными. Петренко, однако, и не помышляет об этом. Своим «нет» он обеспечивает себе покой. «На нет и суда нет».

Мне думается, что главная задача писателя, выступающего в защиту технического прогресса, заключается не в описании внешних, поверхностных причин, стоящих на пути нового. Глубоко проникновение в суть явления, поиски настоящих причин, таковых «пружин» и «механизмов», приносящих этим причинам силу и вес, — вот, что ему необходимо. Разумеется, для этого одного лишь желания и готовности слушать и записывать, как это делал писатель В. Киселев, недостаточно. Нужно встать на позицию новатора в его борьбе со старым и, представив себя на его месте, принять огонь на себя. И тогда противники нового — консерваторы — непременно себя обнаружат.

ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

Более трех лет тому назад профессором Ф. Ф. Витманом и доктором физико-технических наук Н. А. Златиным были предложены нашему институту результаты проведенных ими теоретических и лабораторных исследований для использования их в наших конструкциях. Предложения ученых, несмотря на их смелость и дерзновенность, встретили живой интерес, поскольку были очень заманчивыми и многообещающими. Вместе с тем эти предложения были встречены иронической насмешкой и открытым противодействием со стороны ряда авторитетных и влиятельных работников нашей организации, а также министерства. Предложение ученых квалифицировалось этими людьми как «бред сумасшедших».

Вокруг этих работ была создана крайне неприятная и угнетающая атмосфера недоверия. Лишь благодаря решительной поддержке директора нашей организации и ряда заводских работ эта не была «зарублена» на корню. Сейчас исследование находится в стадии прогрессивного развития.

Чем же мотивировали противники предложения физиков свое отношение к нему? Предложения физиков вытекают, мол, из теоретических гипотез и лабораторных опытов. Этого недостаточно. Пусть сие (физики) сами доведут свои предложения до конца, подтвердят их производственным опытом, и тогда мы применим этот опыт в наших конструкциях. (Окончание на 4.8 стр.)

Тенгистильщики Яхромцы гордятся тем, что 16 бригад ткачей и приядильщиков города завоевали право называться бригадами коммунистического труда. Кроме того, 75 бригад борются за это высокое звание.

На снимке: модельерка Надежда СИДОРОВА, ударница коммунистического труда, месяц назад освоила вторую специальность — сновальщицу. Наде учится в ткацкой машинистке.

Яхромская фабрика имеет свой Дом культуры. При доме работают коллектив художественной самодеятельности и многочисленные кружки.

На снимке: занятия в изостудии.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

На днях в Риге состоялся расширенный пленум правления Союза писателей Латвии, посвященный проблемам развития драматургии. С докладом о достижениях латвийских драматургов и их задачах выступил писатель Ю. Вага. Высоко оценивая ряд пьес последнего времени, докладчик отметил некоторые недостатки произведений драматургии, в которых не чувствовался полнокровный талант драматурга. Изображать нашу героическую действительность с большим художественным мастерством.

Г. Приеде — драматург, заведующий отделом сценариев Рижской киностудии, говорил о достижениях латвийских кинематографистов, о путях развития и дальнейшей перспективе кинематографии. В планах нашей киностудии, подчеркнул он, основное внимание будет уделяться фильмам, отображающим борьбу советского народа за построение коммунистического общества.

Вопросом театральности критики посвятил свое выступление Я. Калныньш.

В работе пленума приняли участие представители Министерства культуры Латвийской ССР, Рижской киностудии, Латгосназата, Театрального общества, режиссеры и артисты театров.

Солдат революции

К 60-летию со дня рождения В. В. ВИШНЕВСКОГО

В САМОМ конце двадцатых годов, в зимний вечер в Ленинграде, в помещении писательской столовой на Невском, никому не известный моряк прочитал несколько случайно собравшихся слушателям свою пьесу. Я не присутствовал на этом чтении, но, когда на другой день пришел победитель, все заставило меня только и говорить, что об этом моряке и его пьесе. Реально мы с трудом могли видеть таких поразительных и замечательных людей.

Какая пьеса! Повторяла кругом. И как он читал, как читал! Слушатели, и словно влившись в свои главы! На стуле сидели было невозможны! А когда он читал сцену боя, он хватывался за стул и стрелял в потолок!

— По-настоящему стрелял! — Еще бы! Конечно, по-настоящему! Но я был скептик. Я посмотрел на потолок и спросил:

— Где же снаряд падал? Следов пуха на потолке не было. — Но как же так? Ведь он стрелял! Или нам поучились?

Им, действительно, поучились. Я понял, как это могло произойти, когда в годы Отечественной войны, во время осады Ленинграда, слушал его речи перед краснофлотцами. Он был блестящий оратор, владевший сердцами и умеющий ими повелевать. Краснофлотцы слушали его не дыша и вскакивали со стульев от волнения.

Он начинал свою речь тихо, сухо, короткими информационными фразами. Он рассказывал факты, только факты, развертывая целую цепь фактов, торжественно наскладывая один на другой, а факты своей конкретностью властно привлекали внимание. А он тем временем разгорался, голос его креп, слова становились еще торжественнее, он неудержимо летел вперед, увлекаемый своими мыслями и увлекая за собой всех. Слушатели побеждали не его красноречие, а его искренность, его убежденность. Он говорил только о том, что переживал его сердце, только о личном. Но это личное было общим, важным для всех. Мне не приходилось встречать другого человека, для которого до такой степени общие, народные, людские были личными. Он любил наш Балтийский флот, которому отдал свою жизнь, глубоко личной, возлюбленной, патристической любовью. Так же лично, пристально, любил он руководимый им журнал «Звезда». И революция всю его жизнь была для него самым главным, его личным делом, и потому он так плачно, так безудержно слушал ей.

В этом глубоко личном отношении к Революции таилась необычайная эмоциональная застенчивость его революционных пьес и фильмов. Каждая пьеса, каждый сценарий — это пьеса о Революции, это гимн Революции. Его пьесы так ярки, так воздействуют на зрителя, потому что они были не только выражением его взглядов, но и отражением его собственной судьбы. Он написал «Первую Конюшню» потому, что был пулеметчиком в Первой Конюшней. Он написал «Оптимистическую трагедию» потому, что в годы гражданской войны служил в Балтийском флоте. Образы революционных балтийских моряков легли в основу его фильма «Мы из Кронштадта» — шедевра советской кинематографии. «У ступен Ленинграда» написан он потому, что провела в Ленинграде все тяжелые годы осады.

Удивительная биография этого профессионального литератора. Четырнадцатилетним мальчишкой ушел он на фронт первой мировой войны, и за несколько месяцев получил две георгиевские медали. Всю гражданскую войну совмещал он на передовой то матросом, то конником. Во время революционной войны в Испании он — в осажденном Мадриде. Во время войны с фашистами он — в Коонштадте и на Карельском перешейке. В годы Отечественной войны он сначала в осажденном Ленинграде. В конце войны он принимает участие в штурме Берлина и присутствует при его падении. Этот профессиональный писатель всю свою жизнь был прежде всего воином Революции и брался за перо только потому, что относился к перу, как к оружию.

Я знал его в течение многих лет, но теснее всего сошелся с ним в осажденном Ленинграде. Мы с ним вместе служили: в течение этих месяцев виделись почти ежедневно. Он был прекраснейшим товарищем.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ КОМУНИСТА

Вчера в Центральном Доме работников искусств состоялся вечер посвященный 60-летию со дня рождения Всеволода Вишневского. Вечер, организованный правлением Союза писателей СССР. Сюда писатели РСФСР и Московской писательской организации, приняла участие дружная, соратница драматурга, режиссер, ставившая сцену его пьес, и за несколько часов в них был показан новый документальный фильм «Всеволод Вишневский». В фильме были развешены выставки, посвященные жизни и творчеству писателя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
20 декабря 1980 г. № 150

Николай ЧУКОВСКИЙ

ДЕЛО О СТУДЕНОМ ОВРАГЕ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ чинность, с какой обычно проходят ученые советы, на этот раз была возмущена. Такие седые люди кипели от негодования.

Когда мы рассматриваем вопрос о машинах и дачах, таких, как у доцента Дембинского, хочется сказать, что это новый кулак, и мы вырастили этого кулака, — негодовал доцент Григорьев.

«Мы не можем согласиться, чтобы в нашей среде находился человек, который занимается спекуляцией», — решительно заявил доцент Зубков. И т. д. и т. п.

На ученом совете Куйбышевского индустриального института, что проходил 18 октября 1960 года, присутствовал и сам Дембинский. Обвинения против него выдвигались одно за другим. Выступавшие говорили, что Дембинский превратил свой дачный участок в торгашеское предприятие. Для обработки земли и ухода за своим огромным садом использует наемный труд. Собственноручно торгует фруктами и ягодами на рынке. Приобрел для своих торгашеских операций две автомашины. В погоне за деньгами доцент все больше теряет человеческое достоинство. И в свете этого окончательно не стала ясна причина научного бесплодия доцента Дембинского. — за последние двадцать лет он не опубликовал ни одной строчки.

Достаточно было одного из этих обвинений, чтобы сорвать со стула. Но Дембинский, сухопарый человек лет немногим за пятьдесят, сидел с выжилом-невозмутимым видом. И только покусывая пальцы изредка постукивали по краю стола.

Эти самые доцентские пальцы бойко сновали над лежащими от вселенной восторгов прилавком в рыночном ряду. Ловко накладывали в граненый стаканчик клубничку. Реально стерегли весы. проворно снимая лишнее яблочко. И аккуратно опускали в карман скользящие трудовые трешки, принимая их подчас от женщины, которой надо было урезать себя в необходимом, чтобы купить эти яблоки ребенку.

Отвучали негодующие речи. И если институтская стенография отмечала реакцию аудитории, она могла бы записать: «В зале давящая тишина». У всех теплится надежда: может, Дембинского, что называется, «проникнут»? Может, он встанет, сейчас и скажет какие-то слова, в которых выразит боль за свое поруганное гражданское и человеческое «я»?

И Дембинский встал. Он не волновался. Он констатировал:

— Надо сказать, что такого порядка замечания являются тяжелым обвинением и соответствующую реакцию, конечно, они вызовут у тех лиц, по отношению к кому высказываются...

Пона ошеломленные слушатели выжили в суть этой чинной речи. Дембинский закончил речь обещанием...

перепечатать часть своих земельных наделов на неженатого сына.

Три с половиной часа длилась моя беседа с Дембинским. Стало ясно, что собственник сожрал в нем и гражданина, и ученого. Итогом беседы было письмо, которое (увы, со множеством грамматических ошибок) написал в редакцию доцент Дембинский. Смысл письма заключался в том, что напрасно докучают его подняты «весь этот шум», потому что он, Дембинский, не один. Кое-кто обделяет дефицит и почтине. Следовали факты, даты, фамилии...

Спустя некоторое время дальнейшие корреспондентские разыскания привели меня в здание Верховного суда РСФСР. И вот передо мной два пухлых, как библи, тома, озаглавленных «Дело по иску Куйбышевского горжилуправления к правлению дачно-садоводской кооператива «Победа Октября» о ликвидации кооператива». Редкий даже для Верховного суда объем томов объяснялся удивительной кляузностью дела.

За несколько лет перед войной группа докторов и кандидатов наук, врачей, инженеров (в их числе был и Г. В. Дембинский) основала в окрестностях города Куйбышева дачно-строительный кооператив. В первые годы кооператив доказал свою жизнеспособность, освоив пустынное, заросшее лесом, урочище Студеный овраг.

Но шло время. Старые кооператоры выжили. Их место занимали не всегда чистоплечные родственники. Разными путями позаселились в кооператив и просто предпринимательские дельцы. Не жилось в кооперативе, как в кооперативе. Волга, а размеры земельных наделов, возмозможная доходность кооперативных садов притягивали их сюда. Отселившись ученые, дельцы позанимались места в правлении. Разнервничав бойком торговля землей. В садах дачников батрачили жепичники и подростки из соседнего заводского поселка. Шла спекуляция: дачами в наем и фруктов-агодная — на рынок.

На многих десятках страниц мелькала фамилия Танеева. Свидетели называют его «первым эксплуататором» и «торгашом», нанимающим для себя сразу по 3—4 работника. Кто же такой Танеев?

Я только недавно побывал на Студеном овраге, и в памяти возникли яркие дачные улицы и присыпанные

снежком асфальтированные дорожки. Вот она, дача Танеева. Это двухэтажный каменный особняк посреди большого яблоняного сада. В эту каменную крепость въезжает летом скромный пенсионер, девять лет бесменный председатель районной комиссии кооператива, бывший врач Павел Тарасович Танеев. Звание венчает открытая башенка в мавританском стиле. Ее Павел Тарасович построил специально. Нынешним летом, как и раньше, в предзакатный час его видели тут пьющим чай. А тем временем в его саду трудятся нанятые работники.

Плечом к плечу с ним стоит председатель кооператива А. Лепилин, начальник планового отдела крупного станкостроительного завода. Фамилия Лепилина держит в своих руках почти полгектара садов. Торговля фруктово-ягодными «излишками», применение наемного труда давали достаточный доход Лепилину. Но аппетит собственника требовал большего.

В материалах судебного дела содержится неопровержимые факты торговли землей, спекуляции дачными участками. Продавались они по цене в несколько десятков тысяч рублей, а в кооперативных недостатках «переступки» оформлялась в пять-шесть раз дешевле. Эти и другие преступные нарушения устава кооператива и советских законов не могли, конечно, происходить без прямого участия или попустительства А. Лепилина и приближенных к нему членов правления, вроде М. Морева.

Грязная история с кооперативом научных работников заставляет серьезно подумать о дачном промысле. Никому, разумеется, не придет в голову протестовать против дач вообще. Чудесно, если у человека есть место для летнего отдыха. Тревогу вызывает другое — дачи кое-где превращаются в средство обогащения, спекуляции, всеческих махинаций, что разстывает людей, плодит собственников, плодит тип людей, для которых все идеалы уместаются в Кусте Крыжовника.

В судебном деле мелькают и другие фамилии. Скажем, Парахонский... Было так. В ранний утретний час возле одного из самых отдаленных городских рынков доцент Дембинский привычно выгулжал из своей «Волги» мешки с яблоками. В это время полыхала еще одна машина. Из нее тоже начали выдвигаться яблоки. И только тут владельцы двух новых «Волг» узнали друг друга. Дембинский стоял собственноручно пересовывая — вот так пассажирский безупречный из его знакомых, обходительный молодой доцент академического института Олег Николаевич

Парахонский. Он привез с собой в качестве продавца поденщицу Настю (которая, кстати, и землю копала, и вырастила эти яблоки).

И еще фамилия кооператора, достойного коллег Дембинского, Парахонского... Зубной врач И. Нахбо, который знаменит в поселке тем, что по лихим ценам сдал в наем кооперативную дачу... местному архиереев...

Возникает естественный вопрос: как же относиться к этому разгулу стяжательства под вывеской кооператива городских властей? Тем более, что из Студеного оврага непрерывно поступали письма и заявления возмущенных граждан.

Еще в 1954 году была сделана попытка пресечь безобразия. Бюро Куйбышевского горкома КПСС за жестоко-ператорскую деятельность и применение наемного труда исключило из партии председателя правления А. Лепилина. А вскоре по решению горисполкома был возбужден судебный иск о ликвидации кооператива.

Какой ни радикальной может показаться эта последняя мера, она-то и оказалась роковой оплошностью. Вместо того чтобы, разобравшись на месте, очистить Студеный овраг от кучки стяжателей (а для этого были и есть все законные основания), городские власти дали себя втянуть в долговую и бесплодную тяжбу. И этим мастерам воспользовались Лепилин и иже с ним.

Получился позорный курьез: почти пять лет Куйбышевский горсовет тягался с двумя-тремя заведомыми дельцами. Цепляясь вкупе с нанятыми адвокатами за разные мелкие обстоятельства, они опротестовывали одно судебное решение за другим. Хотя, даже при беглом изучении положения на месте этих дельцов можно было на общем собрании в два счета выставить за дверь кооператива.

И уж совсем непростительной ошибкой является то, что Куйбышевский горисполком почти пять лет пассивно выжидал окончательного судебного решения. А когда, наконец, при шестом по счету разбирательстве в ликвидации кооператива было отказано, местные власти и вовсе махнули рукой на Студеный овраг...

Не поднимаясь выше формальной дилеммы — «ликвидировать» — «не ликвидировать», по существу пошли на поводу у кляузников и некоторые суды. Не поправил этой вопиющей ошибки и Верховный суд РСФСР, который последним в октябре 1958 года под председательством П. Я. Трубникова разбирал это дело. Верховный суд не вынес никакого частного определения о многочисленных фактах торговли землей, применении наемного труда, спекуляции дачами. Было произнесено лишь очередное «да-нет». И все эти факты отправлены в архив.

И вот уже кончается год тысяча девятьсот шестидесяти. Во главе кооператива по-прежнему стоят председатель А. Лепилин и бесменный «режиссер» П. Танеев. И по-прежнему Куйбышевский горисполком взирает на все происходящее равнодушным оком. А тем временем раковая опухоль собственности в Студеном овраге продолжает разрастаться.

Вот только два последних факта. На заседании ученого совета Куйбышевского индустриального института 18 октября 1960 года единственным, кто усердно выгораживал Дембинского, приспавывая ему несуществующие заслуги, был заведующий кафедрой В. Совкин. Мы вынуждены, к сожалению, сказать здесь о происхождении «симпатий» доцента В. Совкина. Редакция располагает письмами группы рабочих института, которые подробно рассказывают, каким путем перестраивал свою собственную дачу В. Совкин.

В. Совкин, бывший некоторое время тому назад директором института, беззастенчиво использовал свое служебное положение, говорится в письмах. В рабочее время на дачу посылался столы, маляры, слесари. Туда же гоняли институтский грузовик. Нередко на директорскую дачу расходовались институтские материалы.

Остается добавить только, что при проверке писем факты, изложенные в них, как говорится, подтвердились.

И уже совсем свежая «восточка» из Студеного оврага. Оказывается, руководители куйбышевского строительного училища № 8 в сентябре-октябре 1960 года посылали сюда группу учащихся возводить еще одну личную дачу.

Уже не говоря о незаконно израсходованных стройматериалах, какова моральная сторона дела? Шестидесятилетние паренки из школы трудовых резервов без всякого налзора месяца ездят на заводскую «шашки». Да еще лакейского свойства, потому что возводятся дача для дядюшки старшего мастера училища А. Шапохина. И это, словно в нарочитое глумление над принципами перестройки школы, выдается за производственную практику!

Не менее горько и другое, что дядюшкой оказался профессор медицинского института И. Н. Аскальнов.

...Каков же итог? Разве не ясно, что нужно извлечь из архива дело о преступных махинациях в Студеном овраге, сурово наказать тех, кто попирает святую святых нашей жизни — Конституцию. Надо примерно наказать собственников — дельцов, чтоб и другим не повадно было заниматься подобными делишками.

Ю. ОКСАНКИН, собственный корреспондент «Литературной газеты»

гор, Куйбышев

ПО СТРАНИЦАМ
РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГАЗЕТ
«Я ПОНЯЛ ЭТО ТОЛЬКО
ТЕПЕРЬ...»

Более недели провел в Турмении шведский писатель Ян Мюрдаль, совершивший недавно длительную поездку по ряду стран Востока. Жизнь и творчество писателя, член Средней Азии, глубоко интересовали его. На страницах газеты «Турменская искра» в статье «Полудень и вся вода» он поделился своими впечатлениями об удивительном, «за несколько коротких десятилетий...» — пишет Мюрдаль, — удивительном и всеми полюбленном населении далекой окраины шведской империи, правящего в народ, который сам, своими руками, с помощью природных богатств своей земли, с помощью развитой техники, строит свою новую жизнь.

Особенно поразили гостя успехи социалистической культуры Турмении, невиданно широкий кругозор читателей, популярность в народе художественного слова, упоминаемая, что на полках книжных магазинов в Ашхабаде он видел произведения писателей многих стран, в том числе и книгу одного из самых лучших наших шведских, рабочих писателей. Мюрдаль рассказывает, что творчество турменских писателей хорошо известно за рубежом. В качестве примера он называет писателя Верды Кербабаева — их читают «по всему миру».

Небывалый подъем культуры народа, который «больше не учитывают ни царь, ни бог», — так кажется чудом шведскому писателю. «Чудом это назвать нельзя. Это — результат упорной и сознательной работы, когда культура создается руками народа и для народа — «не для немногих, но для всех».

В Советской Средней Азии, народ стал подлинным хозяином своей земли, ее богатств. В этом убеждают писателя встречи и беседы, поездки в колхозы, на строительство Паркумского канала.

И очень искренне звучат слова Яна Мюрдаля: «Я читал об этом раньше, но по-настоящему я понял это только теперь, когда смог сравнить жизнь здесь и по ту сторону границы».

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Встречи в Париже и Берне

БОЛЕЕ двух недель советские писатели Н. Ф. Погодин и А. Р. Шейнин находились во Франции. Здесь было немало памятных и интересных встреч с писателями, деятелями искусства. Гости посетили Сорбоннский университет, театры, а также выставку-базар советских книг, пластинок, сувениров, состоявшуюся в залах парижского отеля «Модерн».

В Париже советские писатели беседовали с Луи Арагоном, Жан-Полем Сартром, Франсуа Мориаком, Этьенн Трюако, Пьером Эммануэлем, Пьером Котом и другими видными деятелями французской культуры. Всюду гости слышали о желании расширить творческие контакты с советскими писателями. Многие французские писатели, в том числе Сартр и Мориак, намерены посетить Советский Союз. Советские литераторы отмечают большой рост во Франции интереса к изучению русского языка, в чем, по общему признанию, значительно роль сыграли посещения Франции Н. С. Хрущевым.

Затем Н. Ф. Погодин и А. Р. Шейнин несколько дней находились в Швейцарии. Наш специальный корреспондент Н. Мар связался по телефону с Берном и попросил писателей рассказать о своей поездке.

— Во Франции и Швейцарии у нас было много интересных встреч, — начал свой рассказ Н. Ф. Погодин. — Но, может быть, одной из самых интересных была встреча с Чарльз Чаплином. В пятницу вечером мы приехали на виллу Чарльз Чаплина, где были тепло встречены его гостеприимным и радужным хозяином. Мы познакомимся со всей его семьей, с его детьми. Мы встретили пятнадцатилетнего, не старше, на вид человека, очень веселого и жизнерадостного. В начале беседы я передал Чарльз Чаплину привет от его советских друзей. Чаплин просил в свою очередь сердечно приветствовать советских кинематографов. Затем Чаплин провел нас в свой кабинет, где он ежедневно работает несколько часов, и показал большую рукопись.

Чему посвящена эта рукопись? Разумеется, этот вопрос нас очень интересовал, и

НА СЦЕНАХ
ТЕАТРОВ
СТРАНЫ

Несколько дней назад Леся Украинка показала пятидесятилетний спектакль «Юность Поли Вихров».

Казадось, совсем еще недавно состоялся премьерный показ этого спектакля в Киеве, затем москвичи увидели его на декаде украинской литературы и искусства, и вот уже пятьдесят раз поднимался занавес, чтобы пригласить зрителя участвовать в событиях «Русского леса».

Роман для меня — это громадная

песа, в которой вместо кратких ремарок длинные описания, сказал как-то полужули Л. Леонид. Быть может, именно поэтому так трудно инсценировать его произведения. Они подобны полям сражений, где борются мировоззрения и уклады жизни, где в очень материальном, внешне-зримом мире свершаются философские поединки, сталкиваются непримиримые нравственные идеалы. Кажется невозможным отсечь кусок, не нарушив гармонии целого.

Однако Киевский театр доказал право на инсценировку «Русского леса». Его удачу определили два момента. Из многих возможных линий романа театр выбрал ту, что наиболее прямо связана с «собственным сюжетом» — историю восемнадцатилетней Поли Вихровой. И второе — постановщик удивительно точно подобрал исполнителей главных ролей — А. Роговцеву. Тем самым была определена вся атмосфера спектакля. События, которые разворачиваются перед нами, даны не в сложном сплетении точек зрения разных героев и самого

его автора Чаплина. Оказывается, это — будущая книга воспоминаний. Уже написана примерно тысяча страниц. Сейчас Чаплин заканчивает редактирование книги, над которой он давно работает. Как сказал нам Чаплин, это не только его жизнь — детство, школа, цирк, начало пути в кинематографе и т. д., но и его артистическое credo, его философия.

— Чарльз Чаплин, — продолжал Н. Ф. Погодин, — рассказывал нас о том, как живет и развивается наша страна, к которой он относится с глубокой симпатией.

«Я знаю, что в прошлом вы, советскому народу, было очень трудно», — заметил Чаплин. — Но вы сумели преодолеть эти трудности».

Чаплин сообщил нам, что, живя в Соединенных Штатах Америки, он, к сожалению, почти не видел советские фильмы. Уже здесь, в Швейцарии, «моя жена и дочь видели «Летят журавли» и были в полном восторге. Я тоже надеюсь, что увижу этот фильм», — сказал Чаплин.

Говоря о Советском Союзе, о своих симпатиях к советскому народу, Чарльз Чаплин подчеркнул, что несколько лет назад в Лондоне он видел Н. С. Хрущева и что ему глубоко симпатичны его открытое лицо, бакстателное остроумие и живость.

— Я сообщил нашему любознательному хозяину, что советские кинематографы задумали создать у себя на родине Музей кино и, как нам кажется, всем будет очень интересно, если в этом музее специальный раздел расскажет о творчестве Чарльз Чаплина. Чаплин с большим интересом отнесся к этой идее. Затем мы сообщили, что советские люди будут очень рады принять Чарльз Чаплина с семьей у себя и оказать им гостеприимство. Чаплин сказал, что, возможно, в середине следующего, 1961 года, если его творческие планы будут реализованы, он намеревается совершить такую поездку.

— Он угощал нас чаем, рассказывал удивительные истории из своей жизни, — сказал в заключение Н. Ф. Погодин, — и подарил нам свои фотографии. Чаплин просил передать советским людям привет и пожелание добра и счастья в новом году.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЖИЗНИ

Гораздо интереснее решены в спектакле образы Киттеля (Е. Балнев) и немецкого старосты Золотухина (Д. Франко). Здесь актеры нашли само движение психологии своих персонажей. У Киттеля спокойные, почти доброжелательные интонации сменяются нервными и истеричными. У Золотухина невозмутимость работника, уверенного в необходимости своих услуг, уступает место страстной, отчаянной решимости спасти эту девушку, даже ценой собственной жизни, потому что она взяла на себя то, что не под силу оказалось ему.

Сцена допроса Поли у Киттеля вообще одна из лучших в спектакле. В ней, как и в эпизоде у секретаря райкома Саложкова, сразу же любящегося нам в исполнении С. Филимонова, где на фоне заснеженного мавзолея и могучей ели кажется такой маленькой фигурка Поли, с жадностью смотрящей вальс на колонну солдат, проявились вкус и изобретательность режиссера Н. Соколова. Глубина прочтения леоновского текста сочетается в лучших сценах спектакля с умением одной, подчас живописной или музыкальной краской передать настроение всей сцены. Так возникает в спектакле вместе с темой фанатизма мелодия Сельской симфонии Шостаковича, которая уже прочно входит в наше сознание как предвестие беды. Так песня Александра о священной войне становится символом мужества, отпора, наступления — и борьба этих двух музыкальных тем как бы оттеняет существование смертельной, всенародной схватки, в которой участвует Поля Вихрова.

Но есть, на мой взгляд, и крупные просчеты в спектакле. Блекло и как-то чересчур заземленно решена сцена детства Вихров. Театру стоит подумать и над тем, что бы обосновать более точно поведение Вихров. Все эти просчеты обидны потому, что в целом спектакль отмечен свежестю восприятия знакомых образов, чувством художественной меры. И при этом, к сожалению, первым давшим сценическую жизнь героям леоновского романа, мы намерены на дальнейшую работу театра над спектаклем, в этом, нам кажется, залог продолжения его интересной жизни.

Самое главное, что сумела передать в Поле Роговцева, — это пылкую готовность на самое трудное в жизни, стремление до всего дойти до конца. Из многих возможных линий романа театр выбрал ту, что наиболее прямо связана с «собственным сюжетом» — историю восемнадцатилетней Поли Вихровой. И второе — постановщик удивительно точно подобрал исполнителей главных ролей — А. Роговцеву. Тем самым была определена вся атмосфера спектакля. События, которые разворачиваются перед нами, даны не в сложном сплетении точек зрения разных героев и самого

его автора Чаплина. Оказывается, это — будущая книга воспоминаний. Уже написана примерно тысяча страниц. Сейчас Чаплин заканчивает редактирование книги, над которой он давно работает. Как сказал нам Чаплин, это не только его жизнь — детство, школа, цирк, начало пути в кинематографе и т. д., но и его артистическое credo, его философия.

— Чарльз Чаплин, — продолжал Н. Ф. Погодин, — рассказывал нас о том, как живет и развивается наша страна, к которой он относится с глубокой симпатией.

«Я знаю, что в прошлом вы, советскому народу, было очень трудно», — заметил Чаплин. — Но вы сумели преодолеть эти трудности».

Чаплин сообщил нам, что, живя в Соединенных Штатах Америки, он, к сожалению, почти не видел советские фильмы. Уже здесь, в Швейцарии, «моя жена и дочь видели «Летят журавли» и были в полном восторге. Я тоже надеюсь, что увижу этот фильм», — сказал Чаплин.

Говоря о Советском Союзе, о своих симпатиях к советскому народу, Чарльз Чаплин подчеркнул, что несколько лет назад в Лондоне он видел Н. С. Хрущева и что ему глубоко симпатичны его открытое лицо, бакстателное остроумие и живость.

— Я сообщил нашему любознательному хозяину, что советские кинематографы задумали создать у себя на родине Музей кино и, как нам кажется, всем будет очень интересно, если в этом музее специальный раздел расскажет о творчестве Чарльз Чаплина. Чаплин с большим интересом отнесся к этой идее. Затем мы сообщили, что советские люди будут очень рады принять Чарльз Чаплина с семьей у себя и оказать им гостеприимство. Чаплин сказал, что, возможно, в середине следующего, 1961 года, если его творческие планы будут реализованы, он намеревается совершить такую поездку.

— Он угощал нас чаем, рассказывал удивительные истории из своей жизни, — сказал в заключение Н. Ф. Погодин, — и подарил нам свои фотографии. Чаплин просил передать советским людям привет и пожелание добра и счастья в новом году.

Гораздо интереснее решены в спектакле образы Киттеля (Е. Балнев) и немецкого старосты Золотухина (Д. Франко). Здесь актеры нашли само движение психологии своих персонажей. У Киттеля спокойные, почти доброжелательные интонации сменяются нервными и истеричными. У Золотухина невозмутимость работника, уверенного в необходимости своих услуг, уступает место страстной, отчаянной решимости спасти эту девушку, даже ценой собственной жизни, потому что она взяла на себя то, что не под силу оказалось ему.

Сцена допроса Поли у Киттеля вообще одна из лучших в спектакле. В ней, как и в эпизоде у секретаря райкома Саложкова, сразу же любящегося нам в исполнении С. Филимонова, где на фоне заснеженного мавзолея и могучей ели кажется такой маленькой фигурка Поли, с жадностью смотрящей вальс на колонну солдат, проявились вкус и изобретательность режиссера Н. Соколова. Глубина прочтения леоновского текста сочетается в лучших сценах спектакля с умением одной, подчас живописной или музыкальной краской передать настроение всей сцены. Так возникает в спектакле вместе с темой фанатизма мелодия Сельской симфонии Шостаковича, которая уже прочно входит в наше сознание как предвестие беды. Так песня Александра о священной войне становится символом мужества, отпора, наступления — и борьба этих двух музыкальных тем как бы оттеняет существование смертельной, всенародной схватки, в которой участвует Поля Вихрова.

Но есть, на мой взгляд, и крупные просчеты в спектакле. Блекло и как-то чересчур заземленно решена сцена детства Вихров. Театру стоит подумать и над тем, что бы обосновать более точно поведение Вихров. Все эти просчеты обидны потому, что в целом спектакль отмечен свежестю восприятия знакомых образов, чувством художественной меры. И при этом, к сожалению, первым давшим сценическую жизнь героям леоновского романа, мы намерены на дальнейшую работу театра над спектаклем, в этом, нам кажется, залог продолжения его интересной жизни.

Самое главное, что сумела передать в Поле Роговцева, — это пылкую готовность на самое трудное в жизни, стремление до всего дойти до конца. Из многих возможных линий романа театр выбрал ту, что наиболее прямо связана с «собственным сюжетом» — историю восемнадцатилетней Поли Вихровой. И второе — постановщик удивительно точно подобрал исполнителей главных ролей — А. Роговцеву. Тем самым была определена вся атмосфера спектакля. События, которые разворачиваются перед нами, даны не в сложном сплетении точек зрения разных героев и самого

его автора Чаплина. Оказывается, это — будущая книга воспоминаний. Уже написана примерно тысяча страниц. Сейчас Чаплин заканчивает редактирование книги, над которой он давно работает. Как сказал нам Чаплин, это не только его жизнь — детство, школа, цирк, начало пути в кинематографе и т. д., но и его артистическое credo, его философия.

— Чарльз Чаплин, — продолжал Н. Ф. Погодин, — рассказывал нас о том, как живет и развивается наша страна, к которой он относится с глубокой симпатией.

«Я знаю, что в прошлом вы, советскому народу, было очень трудно», — заметил Чаплин. — Но вы сумели преодолеть эти трудности».

Чаплин сообщил нам, что, живя в Соединенных Штатах Америки, он, к сожалению, почти не видел советские фильмы. Уже здесь, в Швейцарии, «моя жена и дочь видели «Летят журавли» и были в полном восторге. Я тоже надеюсь, что увижу этот фильм», — сказал Чаплин.

Говоря о Советском Союзе, о своих симпатиях к советскому народу, Чарльз Чаплин подчеркнул, что несколько лет назад в Лондоне он видел Н. С. Хрущева и что ему глубоко симпатичны его открытое лицо, бакстателное остроумие и живость.

— Я сообщил нашему любознательному хозяину, что советские кинематографы задумали создать у себя на родине Музей кино и, как нам кажется, всем будет очень интересно, если в этом музее специальный раздел расскажет о творчестве Чарльз Чаплина. Чаплин с большим интересом отнесся к этой идее. Затем мы сообщили, что советские люди будут очень рады принять Чарльз Чаплина с семьей у себя и оказать им гостеприимство. Чаплин сказал, что, возможно, в середине следующего, 1961 года, если его творческие планы будут реализованы, он намеревается совершить такую поездку.

— Он угощал нас чаем, рассказывал удивительные истории из своей жизни, — сказал в заключение Н. Ф. Погодин, — и подарил нам свои фотографии. Чаплин просил передать советским людям привет и пожелание добра и счастья в новом году.

Н. М. Грибачеву — 50 лет

ПРАВЛЕНИЕ Союза писателей СССР в день пятидесятилетия Н. М. Грибачева горячо поздравило одного из боевых художников слова наших дней, известного русского советского литератора.

«Как солдат с большим и суровым опытом жизни», — сказано в приветствии, — «вошли Вы в литературу и уже тридцать пять лет служите советскому народу своим творчеством, одинаково хорошо владеете пером поэта, прозаика и публициста. Глубокая партийность, кипучий темперамент бойца отличают всю Вашу работу. Активно вторгаетесь в жизнь, Вы выступаете как страстный художник, художник — пропагандист всего нового, передового, что возникает и утверждается в нашей действительности. В богатом содержании, в жаровом разнообразии создаваемых Вами произведений сказывается широта Ваших творческих интересов, постоянная устремленность к разработке актуальных проблем современности.

В ряду лучших образцов советской поэзии заняли место Ваши яркие поэмы «Колхоз «Большевик» и «Восна в «Победе», запечатлевшие образы героических тружеников послевоенной колхозной деревни и по праву считающиеся признанием широкой общественности. Ваша лирика последующих лет, книги очерков и рассказов, согревающие любовью к советским людям — строителям коммунизма, с большой силой отразили красоту и цельность их духовного мира, богатство выверенных сердцем и разумом чувств современника. Миллионы читателей в нашей стране и за рубежом признали Вас и за отличную публицистику на темы международной жизни — за смелые и смелые Ваши памфлеты и фельетоны по разнообразным американским фактам, за Ваши зарубежные очерки, дышащие пафосом борьбы за мир и независимость народов. Мы гордимся, что Вам, как одному из членов коллектива советских публицистов, создавших замечательную книгу о поэзии товарища Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 года — «Лицом к лицу с Америкой», — присвоено почетное звание лауреата Ленинской премии.

Большой художник слова, писатель коммунист, Вы свою творческую работу постоянно сочетаете с общественной и государственной деятельностью, отдавая много сил и энергии участию в руководящих творческих и партийных органах писательской организации и ныне являясь секретарем правления Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Советский Союз», депутатом Верховного Совета РСФСР.

Сердечное спасибо Вам, наш боевой соратник и друг, за вклад, внесенный в нашу литературу! Убеждены, что и впредь Вы всегда будете на переднем крае борьбы за дело коммунизма. Крепко обнимаем Вас, дорогой Николай Матвеевич, от души желаем нескончаемого здоровья, счастья и вдохновения и новых творческих успехов на благо родной советской литературы!»

Н. М. Грибачеву — 50 лет

З. БОГУСЛАВСКАЯ

СЛОВО О МАСТЕРЕ

Сто раз перебрал чужую боль, Порадовался радости чужой.

Николай ГРИБАЧЕВ

ПЕРЕДО МНОЙ небольшая книга «Север-запад». Год издания — 1935. Место издания — город Петроград.

Двадцать пять лет назад, если выразиться более торжественным словом, четверть века назад, имя Николая Грибачева впервые появилось на книжке. До этого времени на Брестские и читательские в Карелии знали его как журналиста, автора статей и очерков.

Естествен вопрос: почему такое не совсем «соседское соседство» — Брестские и Карелия? Все объясняется просто. Н. Грибачев, окончив на родине гидромелиоративную технику, был послан на работу в Карелию.

Здесь, в Карелии, Н. Грибачев, не признающий, как правило, иных тем, кроме темы современности, все же не мог не прикоснуться к славному прошлому Карелии, записав несколько рун. Здесь он и выпустил свою первую книжечку, вобравшую в себя многое из того, что пережили и перечувствовали молодой гидротехник, исколесив эти северные места из края в край.

Как-то у нас на собрании писателей возник разговор о том, что подавляющее большинство авторов пришло в литературу через газету. Перебрали много имен, получаясь действительно так. Почти у любого из писателей позади годы и годы газетной работы. И все согласилось, что это, очевидно, очень хорошая закономерность, потому что газета помогает художнику

лучше узнать и понять жизнь. Но тут же посоветовали, что иные литераторы, издавая один сборничек, не в меру торжественно расстаются с газетой, рано прощайтесь с ней, не вникая в нее, а лишь в качестве лириков и рассказчиков.

Николай Грибачев, выпустив первую книгу, не торопился прощаться с газетой до тех пор, пока это не произошло по причинам, от него не зависящим. — Журналист стал офицером Советской Армии.

Лишь в 1943 году Грибачев вернулся в журналистику — стал специальным корреспондентом армейской газеты. Два первых года Отечественной войны он был строевым офицером: в боях под Москвой командовал взводом, под Сталинградом — саперным батальоном, а на Дону был инженером дивизии. Вместе с армией-победительницей он форсировал Днепр, Дон, Вислу, Одер, Эльбу, участвовал в исторических боях за Берлин и Прагу.

С тех пор везде и в час любой, в любые жизни повороты Я слышу, вижу за собой Словесный и словесный роты. И проверяю сам себя Решимости и готовности к бою. И растворяюсь в их судьбе. Чтоб правду стать самим собой.

После войны снова, как и до войны, трудовой подвиг современника, наше чудное время большого созидания ставило перед ним настоящие художественные задания, писатель коммунист. Я требовал внимания на даче, стояние на его книжках, и вижу, начиная с поэм «Колхоз «Большевик» и «Восна в «Победе» — это все сегод-

няшний день, то, что мы называем литературой о современности.

Поэт, рассказчик, редактор, журналист, публицист, автор статей по важным и актуальным творческим вопросам — таковы «сменные профессии» Н. Грибачева. Перечисление их можно вести и в обратном порядке — это ничего не меняет. Какую из них он предпочитает, на это ответить может разве только сам Николай Матвеевич. Я же скажу об одном: по всем своим «обязанностям» он относится к серьезности, которая присуща лишь настоящему мастеру.

В небольшой газетной статье трудно, вернее, невозможно отдать должное всем жанрам, которыми владеет Н. Грибачев. Читатели знают и любят его книгу рассказов «Августовские звезды», тепло встречена его последняя книга стихов «Прямой свет». Мне больше, чем кому-либо другому, хотелось бы подчеркнуть ту сторону творчества Н. Грибачева, что так ярко раскрылась в последние годы. Зависть, говорят, нехорошее чувство, и все-таки мне завидно читать его книги, которые мы привыкли называть «международными».

Я имею в виду его «Памфлеты и фельетоны», «Семеро в Америке», «Путешествия» и другие. Я завидую тому, что Н. Грибачев побывал почти на всех континентах, а его умение видеть главное, отделять первостепенное от третейшенного и рассказывать об увиденном увлеченно, страстно: с большой душевной теплотой, о друзьях, с единым сердцем — о недоброжелателях, с гневом — о врагах. Отлично сказал о своей миссии поэта и гражданина сам Грибачев: есть великая цель, во имя которой не жалеть отдать всего себя.

Чтоб не было обмана и насилия И чихнул пушек, пружин напором. Чтоб каждый мог свои расправы Крылья в переносном смысле и в прямом.

Как высокую оценку творческих усилий всей советской журналистики и публицистики встретила в этом году наша общественность известие о присуждении Ленинской премии за книгу «Лицом к лицу с Америкой». В числе двадцати авторов этой книги мы видим и имя Н. Грибачева. Много сил отдавал Николай Матвеевич общественной деятельности — он депутат Верховного Совета РСФСР, принимает активное участие в жизни писательской организации. В течение ряда лет возглавляет редакцию журнала «Советский Союз».

Николай Грибачев исполнил пятьдесят лет. И в годы войны, и в годы мира он всегда был на переднем крае. Много исколено, извезено, излечено. Много и хорошо написано. Многие у Николая Грибачева впереди. Потому что

И каждый колос, и ребенок. И сердце собственного лад До всех высот непокорных Идти велит, исцеляет. Теоретич о том не сожалел, Что много выпало потерь. Держать лопать потяжелел Плечом на ту, что в являх дверь И это честное участие В твоих делах, наш бурный век, И есть конечнейшее счастье. Какого стоит человек!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Издано
«СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ»

Выйшло С. Корень жизни. Повести. 630 стр. 30 000 экз. 10 руб. 20 коп.
Валера Р. Ветры горные. Рассказы. 131 стр. 30 000 экз. 1 руб. 80 коп.
Гаврилов А. Есть милая страна. Избранные стихи. 191 стр. 4 000 экз. 2 руб. 80 коп.
Григорьев В. Восток у молодежи. Очерки и рассказы. 1-е издание. 30 000 экз. 3 руб. 50 коп.
Железняков П. Дюпери. Стихи. 89 стр. 3 000 экз. 1 руб. 40 коп.
Михайлов А. Девять свободы. Стихи. Авторский перевод с украинского. 95 стр. 2 000 экз. 1 руб. 20 коп.
Пугачев В. Раздумье о поэзии. Статьи. Речи. Выступления. 278 стр. 5 000 экз. 4 руб. 50 коп.
Юдрина Е. Михаил Светлов. Критико-биографический очерк. 244 стр. 4 000 экз. 3 руб. 80 коп.
Юрид М. Желая счастья. Рассказы. 275 стр. 30 000 экз. 6 руб. 10 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 150 20 декабря 1960 г. 3

В. САДОВСКИЙ

«КРИТИЧЕСКИЙ ВАКУУМ» НЕТЕРПИМ!

НЕ ТАК ДАВНО литературная общественность отметила шестидесятилетие критика и литературоведа И. М. Машбиш-Верову, живущего и работающего в Куйбышев. В местном издательстве вышла его книга «Поэмы Маяковского», являющаяся в какой-то степени итогом многолетней деятельности литератора. Не стану вдаваться в оценку книги. Хочу в душе посоветовать на юбиляра — вопреки всем юбилейным традициям. Сколь было ценно, если бы наряду с вниманием к Владимиру Владимировичу он не менее проявлял бы интерес и к творчеству товарищей, с которыми связан десятилетия совместной работы, — местным куйбышевским писателям!

Ведь именно он-то мог рассказать читателю о многих интересных литературных волнах. Ну, хотя бы об авторе отчаянной повести «Жар-птица» куйбышевском писателе Н. Тихонове. Книжку эту критика долгие и упорно не замечала. И если теперь же «Жар-птица» дошла до массового читателя, то произошло такое лишь потому, что в судьбе произведения приняли горячее участие (нет, не литературные критики!) писатели А. Леонид и Г. Марков.

Я отнюдь не собираюсь целиком адресовать И. Машбиш-Вероу претензии, которые относятся ко всей нашей критике. «Заговор молчания» вокруг «Жар-птицы» — случай вовсе не исключительный. Очень много книг, выходящих на периферии, вы-

падает на поля зрения критики, не получает какой-либо оценки. Мало кто знает, что написано за последние годы, скажем, писателями Куйбышева или Пензы, Саратова или Оренбурга. Даже скромная аннотация на их произведения редко встречается на страницах нашей печати. Поэтому иногда и случается, что книга периферийного писателя, так и не получив оценки в Пензе или в каком-либо другом областном центре, переживает границы нашей страны и быстрее доходит до читателя зарубежного, чем до своего, областного.

ДАЖЕ при самом требовательном отношении к литературе, выходящей в области, нельзя не заметить десятков и десятков новых книг, наглядно подтверждающих, что местные литераторы работают успешно, плодотворно. Роман «Исток», написанный саратовским писателем Г. Коноваловым, роман «Пови́тель» новосибирца А. Иванова, повесть «Юность» Н. Почивалова (Пенза) и многие другие книги наглядно подтверждают это. И я говорю не только о тех авторах, где имеются писательские организации, где имеются писательские организации, выступающие в газете «Тюменская правда», директор книжного издательства В. Еловский сообщает, что за год в Тюмени издается более 100 книг! А ведь известно, что Тюмень не имеет отделения Союза писателей...

Когда у нас говорят о росте влияния критики, то прежде всего имеют в виду

профессиональную литературную критику. Ее представителей можно встретить во множестве в Москве, в Ленинграде, в Киеве. В них же обиходах проще отыскать белую ворону, чем человека, работающего на тонкой почве. Счастливый искатель, кто сумеет разве что отыскать писательскую организацию, выдающую критик М. Котов, Оренбург, где живет интересный литературовед Н. Пронинский, да еще может быть, где-то в городе Российской Федерации.

Мне могут сказать, что я игнорирую статистику, которая утверждает, что среди членов Союза писателей РСФСР насчитывается (без Москвы и Ленинграда) несколько десятков критиков.

Да, это верно: имеется у нас такой весьма скромный отряд представителей критической мысли, разбросанный по всей Федерации. Большинство из них занимается исследованием творчества русских классиков, фольклора, народного эпоса. Большинство... Не потому ли, что за высоким чистотой академичности литературоведения критик чувствует себя спокойнее и удобнее, чем на передовой линии литературы сегодняшнего дня?

Равняясь на профессионалов, преподаватели периферийных высших учебных заведений, склонные к критической работе, тоже стараются ограничивать на спокойную, нашенскую дорогу изучения произведений, проведенных временем, отвечающих хрестоматийным канонам...

СОЗДАЕТСЯ определенный «критический вакуум». К чему это приводит?

Выходит книги местных писателей, театры ставят пьесы местных драматургов, народ поет песни, созданные местными поэтами и композиторами. Все эти явления очень радостны. Но они иной раз годами не получают вдумчивой, серьезной оценки. А в «вакууме», в разреженную среду, как известно, может стремительно вернуться не только полезный, животворный воздух принципиальной критики, но и вредный, отравляющий творческую атмосферу чад предвзятого отношения.

Пензенские писатели не забывают внимания местной газет. В

прошлом году они выпустили более 60 книг, а оценку получали едва ли 7—8 произведений. Но и те, что попали в поле зрения критики, были истолкованы более чем своеобразно.

Вот пример такого критического «толкования» не совсем удачной, но очень показательной историей книги Н. Почивалова «Вторая семья». Вываляясь в похоронный разбор ее сейчас уже вряд ли есть необходимость. Можно только сказать, что повесть «Вторая семья», давшая название всей книге, не является большим литературным явлением. На мой взгляд, она значительно слабее в художественном отношении другой, более известной повести того же автора — «Юность», выходящей дважды в Москве, или повести «После зимы», опубликованной в журнале «Москва».

Хочу сказать, что выступление в пензенской газете «Молодой ленинец» С. Петрова по статье о повести «Вторая семья» никак нельзя признать за образец деловой, доброжелательной и справедливой критики. Дав оценку произведению, автор статьи перешел с удивительной легкостью к личности самого автора. Если поверить С. Петрову, то Почивалов не место в рядах советских литераторов, ибо все, что написано Почиваловым и прежде и теперь, все одинаково порочно. Понятно, что такую ничем не обоснованную «концепцию» С. Петрова литературная общественность Пензы отвергла.

Однако «критическая вставка» из «Молодого ленинца» была передана в журнал «Огонек». Там критик К. Вишневецкий свой слово в слово повторил все сказанное С. Петровым. Видно, не зная ни стихов Почивалова, которым он давал оценку, ни других его прозаических произведений, К. Вишневецкий сел возможным представителем писателя, пишущего не один год, ремесленником, приспосабливаемым. Критик утверждал, что сначала Почивалов писал стихи, но не выходя из стиха — выйдет проза, и он переключился на прозу. Это натяжка и домисел. Почивалов не только «начал» писать стихи, он пишет их и сейчас. Хороши они или плохи — предоставляю судить читателю: стихи Почивалова появлялись в «Огоньке», в газете «Советская Россия», выходили сборниками.

Могут ли принести пользу литературному процессу в области подобных зауженных выступлений?

УСПЕШНОЕ развитие литературы не мыслится нами без развития литературной критики, и прежде всего критики на страницах местной печати. В этом отношении хорошим примером для многих может служить отношение областной воронежской газеты «Коммуна» к литературной работе своих земляков. У газет

Авторитетники Яхромцы только в 1960 году выпустили из капитального ремонта 50 автобусов. На спящих Анатолий КОЗЫРИН готовит и выпускает очередную автобус. Фото А. Зайкина

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ВЕЛИЧИЕ ДНЕЙ НАШИХ

В этой книге, подлинном руководстве по подрывной деятельности в странах социализма, Дж. Бернхэм, о котором писали, что он выбалтывает то, в чем не могут признаться открыто правящие круги США, милостиво соглашался и на «мировую капитуляцию Советского Союза, на «соглашение» с ним, — без тотальной, превентивной войны, но под угрозой ее. Условия «соглашения» напечатаны в книге, их пять: ликвидация коммунистических партий за пределами СССР; отказ Советского Союза от провозглашения и пропаганды коммунистических идей; сокращение территории СССР до границ 1939 года; «свободный» возврат в лоно капитализма всех других социалистических стран; возвращение туда изгнанных правителей и эмигрантов и после «воспитательной работы», которую проведет там американская жандармерия; «соответствующее» изменение внутренней структуры СССР, в том числе «минимум»: допуск в Советский Союз «неограниченного количества» дипломатов, шпионов и бизнесменов, международный контроль над советскими вооружениями, беспрепятственное распространение и американской «литературы»...

Надо? До беспредельности. Бесчеловечность? Такова уж бесчеловечная природа империализма. Нерасчетливо, противоречит ходу истории? Конечно. Но ведь и интервенция за четырнадцать капиталистических держав, направившие свои армии в Советскую страну, чтобы «улучшить» нас, переоблагородили нас, и не добились ничего. И Гитлер был таков же. Но в поход собрался Соединенные Штаты Америки, взявшие на себя после второй мировой войны роль лидера антикоммунизма, все эти 15 лет были в походе. Так, между прочим, и писал пресловутый Бернхэм: это только видимость, что войны еще нет, она уже началась... И она в самом деле шла — в форме «холодной войны», экономической блокады, строительства военных баз по всему периметру лагеря социализма и полетов «В-2»...

И вот теперь мы присутствуем при финале этого похода.

Идеологическая, экономическая, подрывно-диверсионная «холодная война» против лагеря социализма привела империализм к поражению не меньшему, чем их «холодный» поход — в 1918—1920 годах, чем разгром гитлеровских захватчиков.

Популяри, оказавшие несостоятельными все три основных «тезиса» антикоммунизма.

Во-первых, социалистическая система и представляет собой нормальное, естественное состояние общества в наш век. Что нужно для «доказательства» этой истины? Убедить, что социализм дает лучшие возможности для материального и культурного развития человека, для подавления массы народа, чем это делает и делает капитализм. Удостовериться, что труженики города и села, люди разных национальностей живут при социализме в содружестве, в условиях равноправия, чего не может быть при капитализме. Понять, что с каждым годом в социалистических странах совершенствуется научное планирование экономики, что социалистическая демократия позволяет непрерывно расширять участие народных масс в руководстве хозяйственным и культурным строительством.

И это теперь видят все, глядя не только на Советский Союз, но и на другие, гораздо более молодые страны социализма. В великом историческом документе нашей эпохи — Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий — зафиксированы эти факты, эти уже достигнутые успехи.

И, наоборот, система капитализма за последние годы сама, тысячами фактов и доказательств еще более подтвердила свою несостоятельность, свою «ненормальность». Об этом говорят и господство империализма, и экономическое, материальное и культурное ухудшение материального положения широких масс, и подавление демократических свобод. В развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап.

Во-вторых, то обстоятельство, когда-то утешавшее идеологию антикоммунизма, что «Запад находится впереди» в отношении важных экономических показателей, обратилось против врагов мира и социализма. Да, сейчас же после второй мировой войны у Запада были немалые вполне реальные экономические преимущества, и он сделал все, чтобы затруднить восстановление разрушенной войной экономики в странах социализма. Но — не помогло. Именно то, что социализм шагает во много раз быстрее, именно то, что Запад, когда-то имел, как говорят спортсмены, «большую фору» и ему было дано много «очков вперед», убеждает новые и новые массы людей во всем мире в несравненных преимуществах социализма.

В борьбе за технический прогресс очень важно понять, что безразличное отношение к существующим недостаткам в организации научно-исследовательских работ, а тем более попытки их оправдания, есть не что иное, как консерватизм.

Именно об этом консерватизме в науке и в технике напечатаны в «Литературной газете» проницательные статьи академика Б. Е. Патона. «Не искать пути протоптанной и легкой» и писатель А. Аграновский «Вашу руку, Иван Иванович!». И хотя в этих статьях нигде даже не упоминается слово «консерватизм», в каждой строчке чувствуется недоумение и глубокое возмущение по поводу консервативных, быть может, когда-то необходимых, но теперь уже устаревших и вредных «порядков» в организации научно-исследовательских работ, а также в деле внедрения новой техники.

Все эти разговоры и споры всплывают сегодня повсюду, где занимаются новой техникой.

По поводу предложения академика Б. Е. Патона о необходимости лишения ученых степеней технической «отдачей» в течение установленных сроков, а также введения широкой практики присуждения степеней науки

вах социализма. Уже недалеко время, когда в целом система социализма превзойдет систему капитализма в решающей сфере человеческой деятельности — материальном производстве.

И, наконец, «в-третьих»...

За третий свой тезис — о необходимости уничтожения «идеи» коммунизма, прежде всего Советского Союза...

Империалисты цеплялись особенно упорно. Но им всегда приходилось тужить. Ведь, честно говоря, этот «тезис» никак не уживался с двумя первыми. Ну, «плохо и нелепо не годится» советский строй. Ну, никогда Советскому Союзу не донести индустриальный Запад. Так разве на этой «основе» можно мобилизовать массы налогоплательщиков на поддержку грандиозных вооружений, на подготовку войны? Мало ли на земном шаре государств, строящих корабли даже стараниями всей американской печати невозможно представить «хорошим». Тут и страны с отсталым феодальным режимом, где массы населения живут в нищете, тут и эвентуальная диктатура типа португальской, испанской, чилийской или южноафриканской. У заправды американского империализма и мысли не появлялось признать своих сограждан к «крестовому походу» за спасение народов подобных стран от нищеты и бесправия, к тому, чтобы в «благотельных целях» силой навязать им американский образ жизни. А вот «спаси» советский, чехословацкий или китайский народы от созданного ими строя — это до сих пор «светлая мечта», признаться в которой не стыдится даже г-н Эйзенхауэр в своих вполне официальных речах и заявлениях, особенно когда в них говорится об очередной «неделе поработавших наций».

Начиная с 1917 года выдвигался только один мотив: коммунизм агрессивен, и если его не удушить, он

всех завоеует. Это главный повод для создания агрессивного Атлантического блока, для строительства американских военных баз вблизи наших границ, это основное донаказательство «необходимости» бесных вооружений Запада.

Но вот теперь Советский Союз и весь лагерь социализма обладают небывалыми силами. Военное могущество СССР признано всеми. И это становится радостью, счастьем всего человечества: новая мировая война не приближается, а отодвигается. Ее уже нельзя считать фатально неизбежной. Могущество социалистического лагеря — главная из тех сил, объединенных действиями которых можно предотвратить войну.

Все более широкие массы людей понимают: чем сильнее лагерь социализма, тем прочнее всеобщий мир. До жителей всех стран дошли простые, реалистические, предложения Советского правительства о всеобщем и полном разоружении. Они знают, что Советский Союз, следуя ленинской политике мира, предлагает западным державам мир, но сосуществовать, соревноваться не в вооружениях, а в борьбе за улучшение жизни человека.

И сейчас, когда опубликованы Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, их обращение к народам всего мира, — все «хитроумные» выдумки империалистов снова оборачиваются против них. Все их вооружения — не для «обороны» от нас, а для нападения на нас. Они — агрессоры. Американский империализм, этот международный эксплуататор и угроза всеобщему миру.

Но совершенно новая обстановка создавалась на земном шаре. Ее главная новизна в том, что мир можно отстоять, что империалистов и их политиков можно принудить к миру.

Знаменательны слова Н. С. Хрущева, произнесенные им на митинге трудящихся Москвы после возвращения из Нью-Йорка:

«Нельзя было бы думать, что капиталистические страны пошли бы на разоружение, если бы они были сильнее социализма. Ныне положение таково, что мировая система социализма, по меньшей мере, не слабее, чем страны, объединенные Соединенными Штатами в такие военные агрессивные блоки, как НАТО, СЕАТО и СЕНТО. Теперь социалистические страны обладают невиданным ранее средством воздействия на капиталистические страны, и, если хотите, даже вынуждают их к соглашению о разоружении».

Вот в чем состоит новое, можем мы сказать господам дугласам и прочим американским и британским деятелям, уныло признающим, что наступил «конец определенной эпохи», что человечество стоит перед будущим, которого они, дугласы, не ожидали. Человечество имеет теперь возможность пойти по новому, светлому пути мира и сотрудничества между странами.

Силы мира превосходят силы войны! Идеология антикоммунизма, идеология войны потеряла новое, серьезное поражение. Растущая изоляция сторонников этой бесчеловечной идеологии — непреклонный факт наших дней.

вооружениях, а в борьбе за улучшение жизни человека.

И сейчас, когда опубликованы Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, их обращение к народам всего мира, — все «хитроумные» выдумки империалистов снова оборачиваются против них. Все их вооружения — не для «обороны» от нас, а для нападения на нас. Они — агрессоры. Американский империализм, этот международный эксплуататор и угроза всеобщему миру.

Но совершенно новая обстановка создавалась на земном шаре. Ее главная новизна в том, что мир можно отстоять, что империалистов и их политиков можно принудить к миру.

Знаменательны слова Н. С. Хрущева, произнесенные им на митинге трудящихся Москвы после возвращения из Нью-Йорка:

«Нельзя было бы думать, что капиталистические страны пошли бы на разоружение, если бы они были сильнее социализма. Ныне положение таково, что мировая система социализма, по меньшей мере, не слабее, чем страны, объединенные Соединенными Штатами в такие военные агрессивные блоки, как НАТО, СЕАТО и СЕНТО. Теперь социалистические страны обладают невиданным ранее средством воздействия на капиталистические страны, и, если хотите, даже вынуждают их к соглашению о разоружении».

Вот в чем состоит новое, можем мы сказать господам дугласам и прочим американским и британским деятелям, уныло признающим, что наступил «конец определенной эпохи», что человечество стоит перед будущим, которого они, дугласы, не ожидали. Человечество имеет теперь возможность пойти по новому, светлому пути мира и сотрудничества между странами.

Силы мира превосходят силы войны! Идеология антикоммунизма, идеология войны потеряла новое, серьезное поражение. Растущая изоляция сторонников этой бесчеловечной идеологии — непреклонный факт наших дней.

Преступление в Шарпевиле

По ним ведется огонь...

Воспоминания этого года название маленького городка в провинции Трансвааль Южно-Африканского Союза — Шарпевиле — облетело страницы газет всего мира. Там был совершен чудовищный по злодейской жестокости расстрел мирных африканцев, собравшихся у полицейского участка. Полиция, воспитанная в ужасе, что всякое собрание африканцев представляет угрозу правительству Фервурда, открыла огонь без предупреждения: убито 69 человек, 180 — ранено.

Буржуазные газеты пытались замолчать событие в Шарпевиле. Но это не удалось. На днях в Англии вышла книга «Расстрел в Шарпевиле», в которой рассказаны подробности этого позорного преступления колониальных властей.

Ее автор — епископ Йогеннесбургский Амброз Ривс. Его свидетельство помогает понять, почему делегация Южно-Африканского Союза в Организации Объединенных Наций воздержалась при голосовании Декларации Генеральной Ассамблеи о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Через пять минут...

Снимки взяты из книги А. Ривса «Расстрел в Шарпевиле».

НА ЭТОТ РАЗ «цивилизированный» не проходил «по длинному фронту куклы и кавыч» — он стоял за конторкой в большом зале Копенгагенского аэропорта и листал паспорт членов советской делегации, едущей на международный кинофестиваль в Сан-Франциско.

— Ивашов? Что-то знакомое...

— Вы смотрели «Балладу о солдате»?

— А где? О. вы должны меня познакомить с господином Ивашовым.

И, бросив все свои дела, он идет за мной, знакомится с Володей Ивашовым, Жанной Прохоренко, Григорием Чухрай, — душой и восторженно говорит о «Балладе», которая с огромным успехом идет в Копенгагене, о своей любви к русскому искусству.

После этого наш новый знакомый забавно устраивает нас на самый удобный самолет, хлопчет о номерах в отеле, советует, куда поехать, что посмотреть в Копенгагене. А наутро провожает нас до самого самолета и на прощание уверяет: «Вы обязательно победите там, в Сан-Франциско. Обязательно».

Конечно же, и сейчас не перевелись чиновники, похожие на того, о котором рассказал Маяковский в своем знаменитом стихотворении. Но наша встреча в Копенгагенском аэропорту симптоматична, в ней — приметы дня: за рубежом у нас теперь стало больше друзей, и наше правдивое, человеческое искусство помогает множить их ряды.

В Нью-Йорке «Балладу о солдате» видели пока немногие: по условиям фестиваля в нем могут участвовать только те фильмы, еще не показанные в США, и фирма, купившая права на прокат «Баллады», перенесла премьеру на времена послефестивальные. Но те, кто видел фильм, твердо рассчитывают на успех. Хотят этого успеха. Непустующие им добрыми пожеланиями, мы делим в Сан-Франциско.

НА ОТКРЫТИИ ФЕСТИВАЛЯ выступил директор фестиваля Ирвинг Левин, муж города Джордж Кристофер. Иван Ренуар и одна из самых любимых актрис нашей юности Мари Лиффорд (говоря о значении кино для взаимопонимания народов, она вспомнила о своей поездке в Россию, где и без знания языка встретила много друзей).

В первый фестивальный вечер был показан французский фильм «Любовные игры» (режиссер Филипп де Брока), рассказывающий о любви двух друзей к одной женщине. Один из них — муж героини — шалопай, любящий жить в свое удовольствие и не желающий обременять себя лишними житейскими заботами. Другой — «положительный», и Созанна — так зовут героиню — в конце концов решает стать его женой. Но в последний момент она заколебалась и снова бежит к своему репутному мужу.

Фестиваль в Сан-Франциско

гонки повторяют пройденное, либо лишь имитируют новаторские искания, не делая открытий

Я говорю сейчас не о бесталанных кинематографистах, которые на большее не способны. Скажем, американский фильм «Тени» — произведение людей очень талантливых. И тем не менее его показ на фестивале не стал праздником искусства.

Это фильм — импровизация без определенного сюжета. Он показывает эпизоды из жизни негритянской девушки, ее братьев и компании прожигающих жизнь американских «стиляг». Постановщик фильма Джон Нассавитис и актеры работали без готового сценария, на ходу составляя диалоги, придумывая эпизоды и целые сцены.

Эксперименты в области импровизации связаны с весьма распространенным сейчас в мировом кино стремлением к подлинности кинематографических изображений. Видевшие «Сладкую жизнь» или «Гневное око» знают, что стилистика таких фильмов допускает вмонтирование в ленту целых сцен, заснятых прямо на улице — без актеров, без всякой «организации» снимаемого эпизода: куски жизни переносятся на экран в своей неотрепанной шорохавости и натуральной живописности.

Но стремление создателей фильма «Тени» к подлинности и натуральности не становится орудием познания, средством исследования освоения мира. Так и кажется, что это только прием. Прием, рассчитанный на резкого зрителя, такого ничем не возмущим, он все видел, все знает, всему на свете дарит ироническую усмешку... Раньше кинематографисты поражаели его экзотикой экспериментального приема, остротой жизни, монтажом, неожиданными ракурсами, броскими инсценировками и символами. Теперь они хотят удивить его правдой. Они решительно ломают условности, отдаляющие экран от сидящих в зале: вместо выверенных точных режиссерских глазом, искусно скомпонованных кадров показывают сцены в кафе, натуральные драмы, любовные встречи с весьма интимными подробностями, случайные, словно бы подслушанные разговоры...

Известно, что, кадрируя жизнь, заостряя ее события и факты целенаправленной съемкой и монтажом, кинематограф не только не урезывает жизненные картины, но и усиливает их, проявляет, освещает дополнительным светом; вычленил отрывки и строки из действительности кинематографического произведения реальности в руках истинного реалиста усиливают познавательные возможности кино. А старательное приближение к абсолютной натуральности в тех формах, какие используются в «Тенях» и других подобных фильмах, нередко отдаляет художника от большой правды, ослабляет познавательную силу искусства.

Стремление к подлинности, натуральности, простоте каждого кадра, каждого слова живет и в «Балладе о солдате», и в работах многих других советских кинематографистов. Но в их основе — иные посылки и цели. Создатели «Баллады» не хотят кого-то удивлять правдой, натуральностью для них — прием. Они видят перед собой не человека с иронической усмешкой, а человека, кинематограф, не меньше самих художников заинтересованного в правде. В их отношении со зрителем нет и намека на позицию, которую можно выразить словами: «Вот мы сейчас тебе покажем!».

Они работают на зрителя, друга и словно бы говорят ему: давай вместе взглянем в жизнь, в ее подробности, чтобы оценить не только их многогранность, но и содержательность — ведь за малым и в малом очень часто таится великое. Что, казалось бы, проще: молодой солдат едет на побывку к матери, по дороге влюбляется; при дорожных

встречах одним помогает, других осуждает... А между тем в незатейливых эпизодах этой нелегкой солдатской «одиссее» проявляется великая сердечность великого народа, непреклонная верность долгу, суровость и нежность, нравственная требовательность, доходящая до беспощадности, и душевная доброта, самозабвенная отзывчивость к чужому горю...

ЖЮРИ фестиваля было единодушным в признании «Баллады о солдате» лучшим фильмом фестиваля. За лучшую режиссуру награду «Золотой гай» («Золотые ворота») получил Григорий Чухрай. Наградой была отмечена еще одна работа советских кинематографистов — чудесный короткометражный фильм «Мест», поставленный Ирриной Поплавской по рассказу Чехова с М. Яшиным в главной роли.

Решение жюри вызвало активные отклики прессы Сан-Франциско, Нью-Йорка и других городов Америки. В газетах появились статьи о «триумфе русских», интервью с членами советской делегации...

Надо сказать, что и до этого прессы, радио, телевидение много внимания и места уделяли пребыванию советской делегации в Сан-Франциско, поездке Чухрая, Ивашова и Прохоренко в Голливуд, нашим многочисленным встречам с журналистами.

Работа жюри фестиваля, его устроителей и руководителей, оценка критикой «Баллады о солдате», наши встречи с литераторами и учеными, лекция о советском искусстве, которую мне довелось провести в Стенфордском университете, и разговоры со студентами после лекции, беседы Чухрая и наших молодых актеров с американскими кинематографистами показали, что идея «холодной войны» не пользуется поддержкой в кругах творческой интеллигенции Америки.

Среди американцев, с которыми мы разговаривали, было много таких, чье сознание отчуждено предрассудками в отношении Советской страны. Но в большинстве случаев эти предрассудки не мешали несомненно потоку самых разнообразных вопросов: наши собеседники хотели знать правду о Советской стране и ее искусстве; и предрассудки оказывались бессильными перед фактами. Почти во всех наших разговорах — а они возникали всюду: на пресс-конференциях и приемах, просто на улице, в кинотеатре в ожидании сеанса — неизменно рождалась волнующая всех тема мира, тема расширения связей между нашими народами.

Конечно, среди наших собеседников встречались и такие, которые больше интересовались «проблемами» экранизации «Доктора Живаго», нежели правдой о Советском Союзе. И, вспоминая о гостеприимстве и радушии всех тех, кто организовывал фестиваль, я подумал бы душой, не упомянув о некоторых эпизодах, навеянных «холодной войной».

Когда наша делегация давала прием для участников фестиваля и прессы, четыре господина из эмигрантского отряда устроили пикет у входа. Попытавшись всунуть нам пакостные листовки, они начали вопить: «Братцы, вы — рабы, вы — нищие, угнетенные», и далее в том же духе... Эти господа не уговорились и после того, как получили должный отпор членов советской делегации, — они начали раздавать свои листовки нашим гостям. Это было на улице. А дальше повторялась такая сцена: новый гость входит в клуб с листовкой в руках, на свету читает ее заглавие — бросает и идет поздравляться с устроителями приема. Так по лестнице, усыпанной брошенными листовками, шли к нам наши гости...

Были и еще два-три эпизода, напоминавшие о том, что в Соединенных Штатах по-прежнему активны силы, раздувающие «холодную войну». Но было и другое: ясное ощущение того, что идея мира, с которыми выступил Н. С. Хрущев на Генеральной Ассамблее, пробивает себе дорогу и на американской земле. Этот процесс будет продолжаться. Ему помогают и культурные связи: каждая новая встреча деятелей культуры, каждое честное соревнование искусств... А фестиваль в Сан-Франциско был именно таким соревнованием.

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛАПОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

КОГДА МЫ ВЫШЛИ НА БОЛЬШИЕ ОРБИТЫ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Так и получается: консерваторы от науки кивают на производство, а консерваторы от производства — на науку. Оба от дела не бегут, но и дела не делают.

В борьбе за технический прогресс очень важно понять, что безразличное отношение к существующим недостаткам в организации научно-исследовательских работ, а тем более попытки их оправдания, есть не что иное, как консерватизм.

Именно об этом консерватизме в науке и в технике напечатаны в «Литературной газете» проницательные статьи академика Б. Е. Патона. «Не искать пути протоптанной и легкой» и писатель А. Аграновский «Вашу руку, Иван Иванович!». И хотя в этих статьях нигде даже не упоминается слово «консерватизм», в каждой строчке чувствуется недоумение и глубокое возмущение по поводу консервативных, быть может, когда-то необходимых, но теперь уже устаревших и вредных «порядков» в организации научно-исследовательских работ, а также в деле внедрения новой техники.

Все эти разговоры и споры всплывают сегодня повсюду, где занимаются новой техникой.

По поводу предложения академика Б. Е. Патона о необходимости лишения ученых степеней технической «отдачей» в течение установленных сроков, а также введения широкой практики присуждения степеней науки

— по результатам исследовательской и производственной деятельности, некий видный ученый (фамилию его назвать не смысла, так как у него немало единомышленников) заявил так:

— Научная деятельность — это не рубка дров, когда сразу видны результаты работы. Исследовательскую работу можно сравнить с работой искателя жемчуга. А для того чтобы найти «жемчужину» в науке, порой требуются десятилетия. Поэтому лишить человека ученой степени за то, что ему не удалось найти «жемчужину» в заданные сроки, было бы несправедливо.

Полобные рассуждения, несмотря на их кажущуюся логичность, в действительности глубоко консервативны. Если уж сравнивать научную работу с работой искателя жемчуга, то надо полагать, что ни один подлинный искатель жемчуга не станет подолгу заниматься бесплодными поисками жемчуга там, где его нет. Искатели жемчуга — это вовсе не любители понырять, а люди, зарабатывающие себе на жизнь этим занятием, и платят им не за то, что они ныряют, а за жемчуг. Поэтому они и ищут его там, где он имеется, а не где попало. То же самое в науке.

ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕ БУДЕТ

Другой защитник существующей системы пожизненного присуждения ученых степеней и противник Нонуса сауса выразил по поводу предложения Б. Е. Патона тревогу о возможном засорении «чистой» науки «неучами», которым то и дело случается удаётся

набраться на «золотую жилу» благодаря усилиям производственного коллектива завода.

Возьмем «пустить в науку» производственников объясняется отнюдь не тревогой за чистоту, а более прозаическими соображениями. Достаточно признать ученые степени сотне-другой подлинных исследователей и новаторов с производства и присвоить им соответствующие права и материальные преимущества, как в НИИ произойдет то, что произошло в министерствах при организации совхозов. Высококачественные кадры исследователей, засидевшиеся за столами в НИИ и лишённые экспериментальных баз для проведения своих исследований, устремляются на производство, в заводские лаборатории, где они получают реальную возможность сохранить и заслужить ученой степень с пользой для дела.

Подлинные исследователи, имеющие возможность проводить свои исследования в лабораториях НИИ, останутся на своих местах и, ничего не теряя, приобретут на заводах верных и полезных коллег и помощников.

Как касается тех, кто «примазался» к науке и до сих пор «протискивался» своей ученой степенью как «ренгой», — этим придется выбирать одно из двух: или заняться плодотворной научной работой, то есть «напрячь ум, не зная покоя, еще и еще раз ставить новые опыты, обобщать, искать, прокладывать» как об этом писал Б. Е. Патон, или распрощаться со своей ученой степенью и заняться общественно полезным трудом.

Большое напряжение царит в зале «Метро театр» в тот вечер, когда там идет шведский документальный фильм «Майнамп». Ведь многие американцы по-настоящему не знали ужасов войны, не встречались лицом к лицу с фашистским зверем: теперь они видят кинодокументы, показывающие возникновение, рост, чудовищные злодеяния и крах гитлеризма.

Но фильм вызвал большое недоумение у тех, кто видел его раньше — в Канне: для показа в США из фильма вырезали ряд кадров, посвященных действиям Советской Армии. Эта попытка умалить решающий вклад нашей армии в разгром гитлеризма — своеобразная дань «холодной войне» — недостойна фильма, претендующего на объективность в освещении великой борьбы народов против фашизма.

РЯДОМ с талантливыми работами, которые обогащают мировое кино, на фестивале было показано немало таких фильмов, которые наталивают на невыгодные для сегодняшнего дня кинематографа сравнения с тем, что было вчера.

Я не хочу сгущать краски и говорить о всей запятой кинематографии: явление это очень сложное, противоречивое. Но и не гоняться за всепроникающими обобщениями, хочется особо сказать о тенденциях, симптомах, которые достаточно четко проявились в ряде фильмов фестиваля. Дело в том, что многие кинематографисты Запада сейчас оказались как бы на распутье — сюжетные, коллизии, изобразительные средства прошлых лет уже отработаны, а нового не найдено. И они либо эпи-